

Антиастрологический дискурс Максима Грека и вопросы формирования авторского кодекса писателя

Л. И. Журова

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СО РАН

Аннотация. Анализируется комплекс сочинений Максима Грека, посвященных полемике о предсказательной астрологии, развернувшейся в Московской Руси во второй четверти XVI в. Установлено, что семантику антиастрологического дискурса определило выстраивание оппозиции двух доминант: обличения «эллинского учения» звездочетцев и утверждение силы Провидения, даровавшее человеку свободу воли («самовластье человека»). На системных отношениях исторического опыта и духовного смысла автор ведет свою полемику. В морфологии антиастрологического дискурса выделены такие устойчивые элементы повествования, как история звездочетства, образ фортуны («колеса счастья»), судьбы библейских и исторических героев, цитата из песни Анны пророчицы (1 Цар 2: 7–8). Их функционирование позволило описать прагматику антиастрологического дискурса и отметить этапы формирования авторского кодекса Максима Грека.

Ключевые слова: Максим Грек, публицистика XVI в., полемический дискурс, астрология, Провидение, авторский кодекс.

УДК 821.161'01"15"

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-236-248

Журова Л. И. Антиастрологический дискурс Максима Грека и вопросы формирования авторского кодекса писателя // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 236–248.

Контактная информация: Журова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения, Институт истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, zhurovansk@mail.ru)

К 550-летию со дня рождения
Максима Грека

Антилатинская полемика в Московской Руси была спровоцирована в 20-е гг. XVI в. Николаем Булевым (Немчиным), врачом, публицистом, переводчиком, «пришельцем с католического запада», «профессором медицины, астрологии и основательнейшего во всех науках» [Буланин, 1988, с. 101]. Максим Грек, прибывший с Афона в Москву в 1518 г. по приглашению великого князя Василия Ивановича для перевода книг Священного Писания из царской «книгохранительницы», выступил с резкими обличениями идеи о греко-латинской унии [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 243–252; Журова, 2008, с. 408–432], учения о filioque [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 171–242; Журова, 2008, с. 30–178] и астрологических предсказаний [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 150–197, 298–307]. В ранних посланиях (до суда 1525 г.) писатель прямо указывал на источник полемики – «бумага» Николая: «Въ Москве, царствующем граде всеа Руси, живущи ми в 7031 [1523] лето... дана ми бысть бумага немчина некоего, родом, учением и верою латынина, и астрологии... прилепляющегося» [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 268]. В Московской Руси ватопедский монах стал самым активным защитником православных от «прелести звездочетцев», «халдейскаго баснословия и еллинскаго неверия».

Сочинения Максима Грека против астрологии представляют довольно большую группу: десять посланий и трактатов. Это самый крупный тематический комплекс в рукописном наследии писателя, насчитывающем более 150 произведений разных жанров.

Максим Грек, человек византийской культуры и европейской образованности, общавшийся с итальянскими гуманистами и слушавший проповеди Савонаролы, проведший год в статусе *povicia* (послушника) в католическом монастыре Святого Марка во Флоренции, а принявший постриг в православной обители Ватопедской, писателем стал в Московской Руси¹.

---

¹ В современной зарубежной науке разрабатывается концепция о принадлежности творчества Максима Грека средневековой европейской литературе. Так, американский славист И. Шевченко считал, что Максим Грек принадлежит России толь-

С вопросами о «бумажках Николая» к Максиму Греку обращались просвещенные личности своего времени, среди них – московский дипломат, публицист, окольный Федор Иванович Карпов. Инок Святой Горы отвечает ему в 1523–1524 гг. двумя пространными посланиями, положившими начало складыванию авторского антиастрологического дискурса [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 255–294, 311–334].

Одна из принципиально важных проблем творчества публициста – формирование собрания собственных сочинений. Составление «избранного» стало знаковым опытом в истории древнерусской литературы². Н. В. Сеницыной выделены кодексы публициста, описан их состав и некоторые принципы классификации сочинений; установлено, что собрание в 47 глав – Иоасафовское, и собрание в 73 главы – Хлудовское, появились в начале 50-х гг. XVI в. [Сеницына, 1977, с. 161–186]. «Составленные им собрания... – не просто формальное, механическое соединение различных сочинений, – пишет историк, – но единство, обнаруживающее внутренний замысел и цели, внутреннюю логику в подборе текстов» [Сеницына, 2008, с. 199]. Цель настоящей статьи – определить некоторые закономерности в складывании антиастрологического дискурса Максима Грека и его роль в истории авторского кодекса.

Произведения средневекового публициста против звездочетства, как правило, представлены связанными парами в рукописных сборниках и систематизированных собраниях его сочинений, что определило особенности функционирования полемического дискурса в коммуникативном процессе. Такая тенденция к циклизации трудов афонца отразилась как авторскую волю, так и рецепцию литературного наследия выдающегося писателя русскими книжниками, составившими обширные своды трудов Максима Грека в конце XVI – начале XVII в.

В состав систематизированного Иоасафовского свода автором включены четыре сочинения против астрологии³. Две главы – «Слово о Промыс-

---

ко географически, и рассматривал писателя в измерении четырех миров: греческого, западного, молдавского и мира Московского государства [Шевченко, 2009, с. 480].

² В русской публицистике первой половины XVI в. составление сводов авторских текстов – новое литературное явление. Примером тому являются сборники посланий митрополита Даниила и его знаменитый «Сборник» [Даниил, 2020].

³ «Слово о том, яко Промыслом Божиим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устрааются» (глава 13, далее «Слово о Промысле»); «Беседа Души и Ума по вопросу и ответу, о еже откуда страсти ражаются в них, в том же и божественем Промысле и на звездочетцах» (глава 14, далее «Беседа Души и Ума»); «Слово поучительно, вкупе же и обличительно прелести звездочетстей и утешительно живущим в скорбех» (глава 36, далее «Послание некоему князю»); «Послание к некому иноку, бывшу в игуменех, о немецкой прелести, глаголемей фортуне,

ле» (с. 150–158) и «Беседа Души и Ума» (с. 159–175), – по предположению Н. В. Синецкой, были написаны специально для кодифицированного собрания в конце 40-х гг. XVI в. [Синецкая, 1977, с. 91; 2014, с. 25–28]. Для датировки «Послания некоему князю» (с. 298–302) и «Послания некоему иноку» (с. 303–307), составивших содержание других смежных глав кодекса – 36-й и 37-й, – точных данных нет. Результаты текстологического анализа [Журова, 2008, С. 233–242, 287–298] позволяют относить время их создания к тверскому периоду творчества писателя (1532–1547 гг.).

Практически не исследованными и пока не изданными остались три небольших текста на тему звездочетства, находящиеся в составе уникального рукописного сборника середины XVI в. – РГБ. Ф. 256. № 264 (Румянцевский сборник) [Синецкая, 1977, с. 249–261] – и надписанные, вероятно, редактором книги как «Сказание от чести 3 песни Анны пророчицы». Предстоит определить их место и роль в развитии дискурса (но это предмет другой статьи)⁴.

Учитывая предупреждение Р. Пиккио: «Нельзя изучать смысл текстов без учета их происхождения, состава, передачи и рецепции» [2003, с. 474], попытаемся описать литературную историю связанных глав авторского кодекса Максима Грека.

Семантику антиастрологического дискурса Максима Грека определили две доминанты: обличения «халдейского и эллинского бесовского учения звездочетцев» и утверждение силы Провидения, даровавшее человеку свободу воли («самовластье человека»). Они выстроены христианским автором в виде оппозиции на всем пространстве (поле) дискурса. Приходится поражаться разнообразию приемов организации повествования на одну тему, конструированию систем довольно ограниченных доказательств в открытых посланиях и трактатах, использованию богатства русского языка иноземцем.

Ядро концепции «учительства благочестивых христиан», а именно, самого Максима Грека, составляющее смысл всего полемического дискурса, сформулировано в заголовке 13-й главы Иоасафовского кодекса: «Слово о том, яко Промыслом Божиим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устроятся».

и о колесе ея» (глава 37, далее «Послание некоему иноку»). Тексты цитируются по изданию [Преподобный Максим Грек, 2014], далее в статье страницы указаны в круглых скобках.

⁴ За пределами данного исследования остались два сочинения: «Слово по поводу несбывшегося астрологического предсказания нового всемирного потопа в феврале 1524 г.» [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 259–372] (исследование: [Журова, 2011, с. 111–116.]); «Слово на Николая Немчина, прелестника и звездочетца» (не издано) [Иванов, 1969, с. 126].

Устойчивыми и повторяющимися единицами повествования в морфологии антиастрологического дискурса выступают история звездочетства, образ фортуны («колеса счастья»), ссылки на судьбы библейских и исторических героев, третья песня Анны пророчицы (1 Цар 2: 7–8). Содержание и функционирование этих смысловых единиц в сочинениях разных периодов творчества писателя варьировалось, и формы их презентации, контекстуальность, значение словесной коммуникации, акцентологичность, средства выразительности стали частью теоретической системы полемического дискурса.

К происхождению лжеучения звездочетцев Максим Грек обращался в каждом сочинении данного комплекса. Цель публициста – определить генезис «лжесловия» и роль Николая и «прегордых немцев» в распространении предсказательной астрологии. Историю складывания пагубного учительства Святогорец представлял этнонимическими рядами. Так, в первом Послании Карпову он перечислил служителей языческого закона и «всякого злодеяния предстатели: хальдеов, и вавилонянь, и египтянь, и аравлянь, и финиковъ, изначала въ нечестии просиявьших, и от еллинъ елици последоваша прелести Епикура и Диагора» [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 281]. Обширный список чужих народов должен подчеркнуть чуждость распространявшегося учения. В «Послании некоему князю» Максим Грек на первую позицию выводит «героев»-виновников настоящего времени: «Латыномъ зловернымъ и немцомъ прегръдымъ бляди сия и мудрования отъ еллинъ, и египтянь, и аравлянь безбожныхъ взята имъ и въдружена въ злочестивыхъ мыслех ихъ» (с. 299). В «Послании некоему иноку» начало звездочетства Максим Грек возводит к учению Заратустры: «...сицевая прелесть отъ Зороастра и Тана, древнихъ влхвовъ, бывших у персянехъ, начяло име» (с. 310), от которых египтяне, а затем эллины переняли бесовские басни. Если в ранних посланиях публицист приводил обширный список народов, «первых обретателей богопротивной прелести», то в «Беседе Души и Ума» он называет страны происхождения звездочетства: Египет и Ассирия – начало «губительного учительства» (с. 174). Эти земли противопоставлены православной Руси. Движение от этнографии к географии в динамике публицистического дискурса привело к укрупнению картины антиастрологических построений. Главными виновниками распространения в России злоторного учения Святогорец считает латинян, к которым относит немцев (герман), но имя Николая Булева в главах Иоасафовского кодекса уже не названо⁵. Персоналия заменена на этноним, благодаря чему рассуждения автора приобрели обобщенный

---

⁵ После смерти в 1533 г. великого князя Василия III, врачом которого был Николай Булев, сведений о немецком публицисте почти не сохранилось. Он умер в 1548 г. в России, его, как и Максима Грека, на родину не выпустили.

смысл. Учение звездочетцев в трактатах определено краткими ёмкими формулами: «предания халдейские», «басни египетские». Такая стилистика речи – от конкретного к абстрактному – отражает завершающий этап развития дискурса.

Анализ вариаций образа фортуны («колеса счастья») в сочинениях Максима Грека позволил сделать вывод об устойчивости его пейоративных оценок, многообразии обличительных приемов в его изображении, динамике дискурса о звездочетстве (подробнее в статье [Журова, 2020]).

Одним из сильных аргументов критики звездочетства у Максима Грека стали биографии библейских и исторических личностей, прославившихся своими подвигами по божественному велению, а не «вертением колесным» и звездными предсказаниями. В первом Послании Ф. Карпову писатель излагает историю поражения от галлов лонгорбардийского военачальника Людовика Мороса, которому не помогли астрологи. Во втором Послании Ф. Карпову публицист приводит славные имена героев, судьбы которых сложились по «мановению Божию»: Соломона, Александра Македонского, Сципиона, Ганнибала, Константина Великого и великого князя Дмитрия Донского, «иже бесчисленное оно воинство безбожного Мамая все погуби» [Преподобный Максим Грек, 2008, с. 320].

В «Послании к некоему князю» только упомянут Давид, «кротчайший, гонимый Саулом неправедным» (с. 301). В «Послании к некоему иноку» вознесение на высоту власти Саула, Давида, блаженного Иосифа, Моисея объяснено «строениемъ и маниемъ Божиимъ» (с. 305).

В «Слове о Промысле» Максим Грек систематизировал библейские сюжеты, представляя их двумя группами: «И сего показаниа достоверна обрящем немала, известно и истиннолюбно възыскующе Ветхьи и Новьи Завет» (с. 151). Из ветхозаветных сюжетов он приводит рассказ о Сауле и Давиде и делает заключение: «съветом и мановением божественным, а не басненым колесом и счастием, поставляеми на высоту царскую бывають неции и паки низлагаются» (с. 152). История восхождения царя Соломона – еще один пример исполнения Промысла.

Из новозаветных историй представлен эпизод о победе Константина Великого над богоборцем Максенцием, упомянут Василий Македонский, известный как убийца императора Михаила III; довольно подробно изложена казнь императора Маврикия Фокой-мучителем; названы другие драматические ситуации. Вывод церковного публициста из этих эссеистских повествований краток и выразителен: «Господь поставляет царя и преставляет» (с. 153).

Таким образом, Максим Грек каждый раз подбирал репрезентативный ряд мини-сюжетов, способных убедить читателя в силе Провидения. Каждое библейское или историческое имя символично в строении знаковой системы его полемического дискурса. Систематизация сюжетов – новый

шаг в презентации материала, свидетельствующий о заключительном этапе складывания дискурса.

Текстообразующим мотивом антиастрологического комплекса Максима Грека стали слова Анны пророчицы: «Господь мертвить и живить, низводить въ адъ и възводить; Господь убожить и богатить, смиряеть и възвышаетъ. Възставляетъ от земли нища и от гноища въздвизаетъ убога, да посадить его съ сильными людскими и престолом славы наследника являя его» (1 Цар 2: 7–8). Этот ветхозаветный текст известен как третья библейская песня канона на утрене ежедневного богослужения (далее «3-я песня»). Она стала еще одной знаковой единицей повествования, позволяющей описать прагматику дискурса. Модификации семантики текста с использованием цитации отражают развитие авторской интенции в истории связанного комплекса Максима Грека против звездочетства. В двухслойной структуре публицистического повествования, предполагающей в Средневековье двойной уровень прочтения, «при котором каждое слово может содержать “намек на другое слово, написанное “священными” авторами» [Пиккио, 2003, с. 435], где теоцентричная точка зрения накладывается на создание конкретного текста, «цитация не просто прием, а принцип средневековой словесности, принцип конструирования текста» [Станчев, 1982, с. 75].

Ветхозаветный сюжет о пророчице Анне, которая, будучи много лет бесплодной, сотворив искренние молитвы, излив свою скорбь пред Богом, родила пророка Самуила («Испрошенный у Бога»), осмыслен Максимом Греком как доказательство божественной воли в судьбе человека и как безусловное опровержение учения астрологов. В рецепции публициста XVI в. библейским стихам придано новое значение. Ученый монах поставил их в позицию противопоставления Провидения «фортуне басенной и вертению колесному», ставшими устойчивым контекстом в полемической системе богослова.

В Послании Ф. И. Карпову к словам Анны писатель обратился в связи с упреком тому, кто верит «звездоблазителям». Святогорец предлагает послушать «глаголющую мудрую Анну» и приводит знаковую цитату [1 Цар 2: 7–8], оговаривая, что эти слова не требуют особого «толковника». В этом раннем сочинении публицист использует номинативный способ включения сакрального текста.

Во всех четырех главах Иоасафовского кодекса функция «3-й песни» сохранена, но модели ее представления несколько изменены. Так, в «Послании некоему князю» Максим Грек разрывает 7-й и 8-й стихи собственной ремаркой-вопросом (выделено курсивом): «“Господь мертвит и живитворит <...> от гноища въздвизает убога”. *Чесо ли ради?* “Да посадит его, рече, с сильными людскими, и престолом славы наследника явит и”» (с. 299). Введение слов автора в текст акцентирует внимание на смысле следующей

го, восьмого, стиха (перевод): «посажая с вельможами, и престол славы дает им в наследие». Ему Максим Грек придает новое значение – аргумент в опровержении «баснословия звездочетцев».

В этом послании ветхозаветная цитата введена без ссылки на Анну пророчицу словами: «Святое Писание глаголетъ яве...» (с. 299). Такая авторизация свидетельствует о переходе автора на уровень обобщений. «3-я песня» сыграла, как всегда, роль контраргумента «баснословию о фортуна», распространявшемуся «зловерными латынами и прегордыми немцами». Публицист привел большое число цитат из Псалтыри, но Давида не упомянул. Таким образом, элиминирование имен библейских персонажей – примечательная черта данного послания. В стратегии антиастрологического дискурса она может рассматриваться как переход от эпистолярного повествования к богословскому поучению.

В «Послании некоему иноку» цитат из Псалтыри вовсе нет, но слова «3-й песни» Анны пророчицы введены под двумя именами – Давида и Анны: «...исповедуи пряме и чисте с богодухновенными Давидом и пророчицею Анною, глаголющими сице яве и бес хытрослова всякого: “Господь убожит и богатит...”». И опять прецедентный текст разорван ремаркой, но более пространной: «Чесо ради, рци нам, о священная пророчице?». И за ней следует отвержение звездочетства: «не фортуной баснею и вертением колесным, но пророком святым» Саул и Давид были помазаны на царство (с. 305). Это еще один пример устойчивости полемического контекста.

Союз имен Давида и Анны определил особенности строения «Слова о Промысле». Против «хулы» звездочетцев, утверждающих, что «счастье (фортуна) звездодвижным колесомъ овех убо возводит на различные власти и владычества, овех же низлагает оттуду» (с. 150), Святогорец восстает, опираясь сначала на 112 псалом Давида, а потом на «3-ю песню» Анны. Соединение слов пророков – новый ход в развитии стратегии проповеднической речи ученого инока. Но важно оценить положение имен: на начальной позиции находится Давид. Стихи псалмопевца порождены пафосом молитвы пророчицы, и Максим Грек, как видим, «новое» ставит впереди известного. Таков принцип строения публицистического высказывания писателя. Его реализацию мы наблюдаем и в формировании состава авторского кодекса: содержание 13-й и 14-й глав представляет последние, заключительные опыты писателя на тему астрологии (40-е гг. XVI в.), тогда как послания князю и иноку, находящиеся на промежуточной дистанции между ранними эпистолиями Ф. Карпову и трактатами, заняли место 36-й и 37-й глав Иоасафовского собрания.

Представляя текст 112-го псалма, который является переложением цитаты из «3-й песни» Анны, Максим Грек использовал тот же прием – введение авторских слов в «чужой текст»: «“Господь... възставляя от земли

убога и от гноища възнося нища...» Чесо ли ради? “Да посадит его, рече, съ князи, съ князи людии своих”» (Пс 112: 7–8), т. е. Максим Грек повторил практику презентации ветхозаветного текста. Следом он цитирует «3-ю песню» Анны по той же модели: с разрывом стихов. Парная конструкция практически одного и того же текста должна, по замыслу автора, усилить убедительность высказывания. Повторы есть особые приемы риторического стиля в Средневековье. «Без этого приема, – писал И. П. Еремин, – в сущности, не обходится ни один мастер ораторского слова. Это тот механизм, который сообщает речи движение, управляет сменой ее тональности, сообщает ей напряженность, стройность, убедительность» [1967, с. 159]. Повторы у Максима Грека сплетают текст, связывают его составные части, их цель – сделать текст услышанным и понятным. «Повторение одно и того же элемента приглушает его семантическую значимость, – отмечал Ю. М. Лотман. – Зато вперед выдвигается способ соединения этих утративших значение элементов» [1998, с. 94], т. е. связи между элементами становятся важнее их содержания.

Тематические повторы сопровождаются повторами стилистическими, они приводят к консервации, задержке мысли, что позволяет читателю ее усвоить. Так, в «Слове о Промысле» «3-ю песню» Анны Максим Грек вводит двойным императивом:

«Услышим же смыслено и блаженую пророчицу Анну... сиче яве тверде глаголюще, паче же загражающе бездвернаа уста латинумудренных герман, тщащихся таковую прелесть вкоренити в мыслех православных.

Услышим убо смыслено, что сиа глаголеть блаженаа пророчица Духомъ Святымъ, а не якоже халдеи духомъ бесовскимъ» (с. 151).

Обратим внимание на наречие «смыслено», указывающее на рецепцию ветхозаветного текста богословом XVI в.: конечно, песни Анны не были обращены к астрологам и звездочетцам, но Максим Грек предлагает воспринимать (в своих мыслях) элативный мотив в обращении пророчицы как сильный аргумент в полемике с халдейским учением. На противопоставлении священного предания и лукавого баснословия выстраивает Святогорец свой антиастрологический дискурс.

В «Беседе Души и Ума» слова Анны представлены в переложении Максима Грека и поданы от лица Ума, олицетворяющего автора: «Убога и нища от земли и гноища Господь възвышает и богатить, убожает и смиряет и низводит въ адъ и паки възводит» (с. 164). Новый вариант можно расценивать как производный текст, находящийся на парадигматической оси интертекстуальности. Перефразирование высказываний определяет коэффициент креативности в развитии дискурса Максима Грека.

Наблюдаемый переход от точной цитаты в ранних посланиях к ее свободному изложению в пространных трактатах обусловлен усилением авторской позиции на этапе расцвета творчества писателя, укреплением са-

мосознания средневекового публициста. На смену прямого цитирования слов Анны приходит искусное оперирование библейским текстом, ставшим инструментом в ведении проповеднической речи. На сочетании духовного смысла, «понимаемого как провозглашение вселенской правды, и исторического, относящегося к конкретным земным ситуациям» [Пиккио, 2003, с. 152], Максим Грек построил свои сочинения против астрологии, придав этим уровням разную значимость.

Список литературы

- Буланин Д. М. Булев Николай // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 1. С. 101–103.
- Даниил, митрополит Московский. Соч. / Исслед. и подгот. текстов Л. И. Журовой. М., 2020. 856 с.
- Еремин И. П. Литература Древней Руси. Л., 1967. 264 с.
- Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: В 2 ч. Новосибирск, 2008. Ч. 1. 494 с.
- Журова Л. И. Обличительное слово Максима Грека о предсказании всемирного потопа в 1524 г. // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Пятой межрегион. конф., посвящ. 100-летию выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, профессора НГУ Михаила Иосифовича Рижского. Новосибирск, 2011. С. 111–116.
- Журова Л. И. Слово о фортуне («колесе счастья») в русской публицистике XVI в. (старец Филофей, Максим Грек, митрополит Даниил) // Исторический курьер. 2020. № 2. DOI 10.31518/2618-9100-2020-2-1
- Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. 248 с.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–287.
- Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. М., 2003. 720 с.
- Преподобный Максим Грек. Соч.: В 2 т. М., 2008. Т. 1. 568 с.; 2014. Т. 2. 432 с.
- Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. 236 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биограф; вып. 1162).
- Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
- Синицына Н. В. Творчество преподобного Максима Грека 30–50-х гг. XVI в. и собрание избранных сочинений из 47 глав // Преподобный Максим Грек. Соч. М., 2014. Т. 2. С. 12–33.
- Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова. М., 2009. С. 477–488.
- Станчев К. Поетика на старобългарската литература. София, 1982.

Article metadata

Title: The Anti-Astrological Discourse of Maximus the Greek and Formation of Author's Code in His Writings

Author: L. I. Zhurova

Author's e-mail: zhurovansk@mail.ru

Author's affiliation: Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The writings of Maximus the Greek (Maxim Grek) devoted to refutation of mantic astrology which proceeded in Moscow Rus in the second quarter of the 16th century are analyzed. A conclusion is made that the opposition of two dominant pursuits predetermined the semantics of the anti-astrological discourse: those were disapproval of the 'Hellenic' teaching of star-gazers and affirmation of the force of Divine Providence, which granted the freedom of will to the Man ("the absolute rule of the Man"). Maximus the Greek based his polemic on the systemic relationship between the historic experience and the spiritual meaning.

The morphology of the anti-astrological discourse embraces such stable elements of narration as the history of star-gazing, the image of fortune ("the wheel of luck"), the fates of Biblical and historical heroes, and a quotation from the song of Prophet Anna (the First Book of the Kings, 2: 7–8). The function of these units of meaning in the writings of different periods by Maximus the Greek, the forms of their presentation, the contextuality, the meaning of verbal communication, and the accents chosen became the part of the theoretical system of the polemic discourse and allowed identification of the stages of formation of the author's code in the writings of Maximus the Greek.

Maximus the Greek names the Romans and the Germans (Nikolay Bulev) to be the main culprits who initiated the spread of mantic astrology in Russia. Whereas in his earlier epistles, the learned monk from Mount Athos presents the history of formation of the pernicious teaching based on series of ethnonyms, in his later writings he pointed to Egypt and Assyria as the countries of the origin of star-gazing. Orthodox Rus is opposed to them. Movement from ethnography to geography made the scene of the anti-astrological expression more definitive.

The representative series of mini-stories about the fates of the famous Biblical and historic heroes, whose feats were predetermined by the Divine Providence, served as a strong argument in the critique of star-gazing, and each name became symbolical in the sign system of the agonistic discourse of Maximus the Greek.

The quotation from the song of Prophet Anna (the First Book of the Kings, 2: 7–8) should be recognized as the leading through motif of the anti-astrological text. Its functioning in the writings of the learned monk allows us to describe the praxis of the discourse. The process of modification of its semantics

reflected development of the author's intention in the history of formation of the theme variety of Maximus the Greek and of the author's manuscript code (Iosaf's Collection of Writings) in general.

Key terms: Maximus the Greek, publicist writing of the 16th century, agonistic discourse, astrology, Divine Providence, author's code.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-236-248

Reference literature (in transliteration):

Bulanin D. M. Bulev Nikolay [Bulev Nikolay] In: Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Leningrad, 1988, iss. 2, pt. 1, p. 101–103. (in Russ.)

Daniil, Mitropolit Moskovsky. Sochineniya [Daniil, Moscow Metropolitan. Writings]. Investigation and preparation of texts by L. I. Zhurova. Moscow, 2020, 856 p. (in Russ.)

Eremin I. P. Literatura Drevney Rusi [The Literature of Ancient Rus]. Leningrad, 1967, 264 p. (in Russ.)

Ivanov A. I. Literaturnoye naslediyе Maksima Greka. Harakteristika, atributsiya, bibliografiya [The Literary Heritage of Maximus the Greek: the characteristic, attribution, literature references]. Leningrad, 1969, 248 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta [The Structure of a Feature Text]. In: Lotman Yu. M. Ob isskusstve, St. Petersburg, 1998, p. 14–287. (in Russ.)

Picchio R. Slavia Orthodoxa: literatura i yazyk [Slavia Orthodoxa: Literature and Language]. Eds. N. N. Zapolskaya and V. V. Kalugin. Moscow, 2003, 720 p. (in Russ.)

Shevchenko I. Chetyre mira i dve zagadki Maksima Greka [The Four Worlds and Two Problems of Maximus the Greek]. In: More i Berega. K 60-letiyu Sergeya Pavlovicha Karpova. Moscow, 2009, p. 477–488. (in Russ.)

Sinitsyna N. V. Maxim Grek v Rossii [Maximus the Greek in Russia]. Moscow, 1977, 332 p. (in Russ.)

Sinitsyna N. V. Maxim Grek [Maximus the Greek]. Moscow, 2008, 236 p. (Zhizn Zamechatelnykh Ludey [Life Descriptions of Remarkable People], series 1162). (in Russ.)

Sinitsyna N. V. Tvorchestvo Prepodobnogo Maksima Greka v 30–50 godakh XVI veka i sobraniye izbrannykh sochineniy iz 47 glav [The Writings of Venerable Maximus the Greek in the 30–50s of the 16th Century and Selected Writings in 47 Chapters]. In: Venerable Maxim Grek. Writings. Moscow, 2014, vol. 2, p. 12–33. (in Russ.)

Stanchev K. Poetika na starobългарската литература [Poetics in Ancient Bulgarian Literature]. Sofia, 1982. (in Bulg.)

Venerable Maxim Grek. Writings. Moscow, 2008, vol. 1, 568 p.; 2014, vol. 2, 432 p. (in Russ.)

Zhurova L. I. Avtorskiy tekst Maksima Greka: rukopisnaya i literaturnaya traditsii [The Author's Texts by Maximus the Greek: the Tradition of Manuscripts and Literature]. In 2 parts. Novosibirsk, 2008, pt. 1, 494 p. (in Russ.)

Zhurova L. I. Oblichitelnoye slovo Maksima Greka o predskazanii vseirnogo potopa v 1524 godu [Refutation of Prediction of the Flood by Maximus the Greek in 1524]. In: Sibir na perekrestye mirovykh religiy. Materialy pyatoy mezhregionalnoy konferentsii posvyashchenoy 100-letiyu vydayushchegosya uchenogo i pedagoga, spetsialista po bibleistike, professora NGU Mikhaila Iosifovicha Rizhskogo. Novosibirsk, 2011, p. 111–116. (in Russ.)

Zhurova L. I. Slovo o Fortune (“Kolese Schastya”) v Russkoy Publitsistike XVI veka (starets Filofey, Maxim Grek, Mitropolit Daniil) [The Word of Fortune (the Wheel of Luck”) in the Russian publicist writings of the 16th century (Elder Filofey, Maximus the Greek, Metropolitan Daniil)]. *Istorichesky Kuryer*, 2020, no. 2. (in Russ.) DOI 10.31518/2618-9100-2020-2-1